

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Генрих
Манн

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА IV

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
М 23

Перевод с немецкого Натальи Касаткиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19219-5

© Н. Г. Касаткина (наследники), перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

I

ВОЕННАЯ УДАЧА

МОЛВА

Король победил. Впервые отбросил и смирил он противника. Правда, вражеской мощи он не уничтожил и не взял над ней решительно верх. Королевство его по-прежнему в смертельной опасности, да оно и отнюдь не в его власти. Оно все еще во власти Лиги, ибо беспутство современников, их сопротивление порядку и разуму за десятилетия междоусобных войн переросло в безумие. Вернее, хуже, чем открытое безумие, — тупая привычка к бессмысленному и беспутному прозябанию овладела людьми, печальная примиренность с позором укоренилась в них.

Не первой победе короля изменить это. Единичная непрочная удача — что в ней от случая, а что от предопределения? Она не может убедить людей в их неправоте. Как так? Выходит, этот самый протестант с юга совсем не главарь разбойничьей шайки, выходит, он истинный король! Кто же тогда все великие вожди Лиги: ведь каждый из них владеет провинцией или управляет областью, и притом самолично, со всей полнотой власти. Король же повелевает, пожалуй, лишь там, где стоит его войско. Мыслями королевство за короля: это не без тревоги и горечи признают многие. Мысль меньше подлинной власти, но она и больше. Королевство — это больше, чем пространство и владение, оно равнозначно свободе, оно тождественно праву.

Если извечная справедливость взглянет на нас с высот, она увидит, сколь страшно мы унижены, и даже более того — что мы глен и прах, гроб повапленный. Хлеба насущного ради мы подчинились злейшим изменникам и через них обречены попасть под пяту Испании. Из чистого страха терпим мы в стране рабство, духовное одичание и отказываем себе в высшем благе — свободе совести. Мы, бедные дворяне, служащие в войсках Лиги или занимающие государственные должности, и мы, именитые горожане,

поставляющие ей товары, и мы, простой люд, идущий за ней: мы не всегда глупы, а иногда и не бесчестны. Но как же нам быть? Пошепчемся между собой, тайком вознесем молитву Богу, а после неожиданной победы короля у деревни Арк на короткое время укрепимся в надежде, что настанет день!

Странное дело — издали события обычно представляются значительнее, нежели вблизи. Король одержал победу на берегу Северного моря; казалось бы, тем, что живут всего на расстоянии двух-трех дней пути, было над чем призадуматься. Особенно в Париже следовало оглянуться на себя и отречься от своих упорных заблуждений. Ничуть не бывало! На севере многие воочию видели, как, рассеявшись шайками по стране, бесчинствует разбитое несметное войско Лиги. Но взять это в толк никак не могли. Лигу здесь по-прежнему считали непобедимой и говорили лишь, что вследствие густого тумана, поднявшегося с моря, и благодаря другим обстоятельствам, составляющим военную удачу, король отвоёвал незначительный кусок земли, вот и все.

Зато для внутренней части королевства долгожданная развязка явственно приблизилась. На реке Луаре и в городе Туре по старой памяти надеялись, что рано или поздно король пожалует к нам собственной особой. Не первый это будет король, которого бы они встречали сперва несчастным беглецом, а под конец неоспоримым властелином. Об отдаленных западных и южных провинциях и говорить нечего: там битву у деревни Арк видели так, точно она еще раз происходила у них на глазах и была велением небес. Пламенные протестанты крепости Ла-Рошель, у океана, пели тот самый псалом, с которым победил их король: «Явись, Господь, и дрогнет враг...» Весь юг от Бордо наискось вниз, в пылу безудержного восторга, предвосхищал те события, которым еще не приспела пора: покорение столицы, наказание главных изменников и славное объединение королевства их Генрихом, рожденным здесь, выступившим отсюда и теперь ставшим больше всех!

В самом деле, разве его земляки так уж увлекались, не в пример прочим? Большим легче всего назвать человека, которого никогда в лицо не видал. Его же земляки по личным встречам знают, что роста он среднего, носит войлочную шляпу да потертый колет и всегда нуждается в деньгах. Они помнят его ласковые глаза; о чем, собственно, говорят эти глаза: о бодром духе или о пережитых печалях? Во всяком случае, он находчив, умеет подойти к про-

столюдину; еще лучше умеет обхаживать женщин. Из них многие, никому не счесть сколько, могли бы выдать его тайны. Но, обычно такие болтливые, тут они разом умолкают. Словом, здесь его знали в лицо и только что не участвовали в его последнем деле там, на севере, где стоял туман, где наши пели псалом, когда шли в атаку и одолевали могучее войско. Дело было нешуточное, и, пока оно свершалось, небо и земля ждали, затаив дыхание.

Но теперь о победе стало известно и в самых дальних краях. О короле там до сих пор ничего не слыхали. На большом расстоянии такая молодая слава кажется беспорочной и не от мира сего. И тем больше становится сразу носитель ее. Мир ждал его, миру опротивело терпеть в качестве единственного господина и повелителя Филиппа Испанского, вечно того же безотрадного Филиппа. Угнетенный мир давно молил об избавителе: и вот он явился! Что такое его победа? Ничтожная битва, отнюдь не решительный перелом, и все же она важнее, чем недавняя гибель Армады. Тут некто своими собственными силами потряс трон властителя мира. Сотрясение, хоть и слабо, все же ощущается за рубежами, за горами и даже на том берегу моря. Говорят, будто в одном славном заморском городе ходили по улицам с его портретом. Только его ли был портрет? Он сильно потемнел, его вытащили на свет Божий в лавке старьевщика, отмыли. «Король Франции!» — вскричал народ и устроил шествие, даже попы примкнули к толпе. Молва всеведуща и крылата.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Сам он не торжествовал победы. Ибо удавшееся дело тотчас же влечет за собой следующее; кто не хитростью добивается успеха, а честно зарабатывает его, тот даже не чувствует победы, и еще меньше опьянения. Король помышлял лишь об одном: как бы наскоком занять свою столицу Париж, пока еще герцог Майенн с разбитым войском Лиги не добрался до нее. Король был проворнее; а кроме того, парижане поверили рассказням, будто Майенн победил его и обратил в бегство; это дало ему лишнее преимущество. Однако к его приходу Париж уже опомнился и приготовился к обороне, впрочем, весьма bestолково. Вместо того чтобы удерживать крепостные стены и валы вокруг внутреннего города, па-

рижане решили защищать и предместья. Это было на руку королю, который замыслил опрокинуть их в открытом поле и на плечах у беглецов ворваться в городские ворота.

Он без труда овладел наружными укреплениями, однако ворота в последний миг успели запереть. Попытка кончилась тем, что войска его, все эти швейцарцы, немецкие ландскнехты, четыре роты искателей приключений, четыре тысячи англичан, шестнадцать французских полков, всем скопом наскочили, принялись громить, грабить, убивать. И больше ничего... Короля, правда, встречали криками ура, но среди грабежей и убийств. Он хоть и отдал приказ стрелять по городу поверх стен, но сам уже знал, что столицы своей ему не взять и на этот раз. Тогда он отправляется на покой во дворец, носящий его родовое имя: Малый Бурбонский зовется он; Генрих проник сюда как чужой, и скудная постель ждет его здесь — всего лишь охапка свежей соломы. Три часа остается ему для сна, часть их уходит на думы и сопоставления.

«В городе стоит Луврский дворец, там пленником промаялся я долгие назидательные годы, и след тех годов остался на мне. Неужто свободным человеком и королем мне никогда не видеть этого города? Однажды, в Варфоломеевскую ночь, во дворце пали почти все мои друзья, а в городе — большинство моих единомышленников. Вы отомщены спустя восемнадцать лет! Только на одном перекрестке мои солдаты умертвили сегодня восемьсот врагов, восклицая при этом: святой Варфоломей! Ужасно, что все возвращается и ничто, ничто не может веками исчезнуть из мира. Я предпочел бы прощение и забвение, я предпочел бы человечность. Что же истинно в наших распрях? Что я знаю? Верно одно: и в стенах города, и за ними мы только и делаем, что убиваем. Если б я проскочил в ворота раньше, чем их успели закрыть! Я бы показал парижанам милостивого победителя и истинного короля. У королевства была бы столица, у человечества — цель, на которую оно могло бы благостно поднять взор. А взамен — лишь немного утоленной мести, и привычное кровопролитие, и военная удача».

У тридцатилетнего Генриха много позади горестей и неустанных трудов, но и радостей он вкусил без числа благодаря своему веселому нраву, а теперь вот он лежит на свежей соломе возле большого обеденного стола. Он еще раз вскакивает: король велит сдвинуть церкви — «и людей также!» — кричит он вслед капитану. Затем все-таки засыпает, ибо он научился владеть собой при неза-

дачах и горестях не менее, чем в дни непредвиденной милости судьбы. Сон — его добрый друг — является исправно и приносит обычно то, что требуется Генриху: не страхи, а видения, сулящие добро. Сегодня Генриху привиделись во сне подплывающие корабли. Сперва они парили в дымке горизонта, потом выросли в мощные, сверкающие громады, заполнили залитое солнцем море: они приближались, они искали его, Генриха. Сердце у него забилося, и во сне его осенило, что означает это посещение. О чем-то подобном шла речь вскоре после выигранной им битвы. Он тогда не стал вслушиваться по причине насущных, безотлагательных забот и трудов. Тут было не до сказок. Когда он пробудился после трехчасового сна, видение кораблей снова изгладилось из его памяти.

Наступил День Всех Святых; католики из королевской армии разбрелись по церквам предместий. Тем, что укрылись за стенами, было не до праздника, они оплакивали своих убитых и боялись за себя. Но к вечеру они были спасены, ибо войска Лиги подошли к Парижу и король не мог помешать им занять город с другой стороны; время было упущено. Он позволил своим захватить еще одно аббатство и прикончить триста парижан. Это было прощание, и не из красивых, никто лучше короля не понимал этого. Он и наказал себя — решил подняться на колокольню, чтобы увидеть город, а в провожатые взял монаха. Наверху на узкой площадке, наедине с монахом, Генрих пришел в смятение, ему вспомнился король, его предшественник. Ведь тот был убит монахом. Да и на него самого не раз уже из рукава рясы глядел нож. Миг — и он очутился позади своего провожатого, схватил его за обе руки. Монах не шелохнулся, хотя был рослый и дюжий. Генрих недолго глядел сверху на свою столицу; спускаясь по лестнице, он пропустил ненадежного проводника вперед, сам же шел, отставая на две ступени. Внизу он встретил своего маршала Бирона.

— Сир, — сказал Бирон, — ваш монах выскочил из двери и удрал.

В это мгновение раздался радостный вопль парижан, прибыл их полководец Майенн, собственной персоной, они угощали его солдат на улицах. На следующий день король привел свое войско в боевую готовность и дал врагу три часа сроку на то, чтоб выйти в открытое поле. Тщетно, — Майенн был осторожен; тогда король отошел. По пути он занимал крепости, но некоторые его полки, не получая жалованья, разбрелись. С оставшимися король поспешил

в свой город Тур, чтобы принять там послов Венеции. Молва не обманула: старая республика издалека слала свои корабли. Послы высадились на берег, и, пока король покорял мелкие города, они не спеша следовали вглубь страны на север, дабы воздать ему почести.

СКАЗКА

Он изо дня в день слышал об их приближении, волновался и потому посмеивался.

— Дождь! У волхвов подмокнет ладан.

А самому было страшно, что Лига возьмет их в плен и перехватит у него, прежде чем они прибудут на место со всей великой pompой и громкой хвалой, которой собирались почтить его. Когда они были еще в нескольких днях пути от Луары, он выслал им навстречу многочисленный отряд, якобы в виде почетного конвоя, но на деле с более серьезной целью. После этого он стал ждать их в своем Турском замке, и ждал долго. В пути один из престарелых венецианских вельмож захворал.

— Да, республика весьма стара, — сказал Генрих своему дипломату, Филиппу дю Плесси-Морнею.

— Старейшая в Европе, сир. Она была в числе могущественнейших, теперь же она наиопытнейшая. Кто говорит «опыт», обычно не понимает, что под этим подразумевается упадок. Тем, что едут сюда, известно и это. Так вникните же в происходящее! Это мудрейшая республика, главная ее забота в том, чтобы с достоинством нести старческие немощи и отодвигать конец, она держит лучших наблюдателей при всех дворах и упорно читает, читает донесения: вдруг она встрепенулась, она действует, Венеция бросает вызов всемирной державе, она воздает почести вам после вашей победы над всемирной державой. Как же велика, значит, ваша победа!

— Я поразмыслил над своей победой. Победа, господин де Морней, — начал Генрих, запнулся и, прежде чем продолжать, быстро прошелся взад и вперед по каменной зале Турского замка.

Товарищ его юношеских лет следил за ним глазами и в который раз решал, что правильно выбрал себе государя. Этот одному только Богу воздает хвалу за свою победу! Непреклонный протек-

стант снял шляпу при этой мысли. Так стоял он, сорокалетний человек в темной одежде; шею, по обычаю его единоверцев, окружал скромный белый отложной воротник, нижняя часть лица у него была сократовская, лоб высокий, необыкновенно гладкий и восприимчивый ко всяческому свету.

— Морней! — Генрих остановился перед ним. — Победа стала не та, что прежде. Оба мы знавали ее иной.

— Сир! — возразил посол ясно и невозмутимо. — В прежнем вашем звании короля Наваррского вы вразумили несколько злонаправленных городов, которые были непокорны вам. Десять лет трудов и усилий — и в итоге одно значительное сражение: после этого крылатая молва — Фама достаточно прославила вас, чтобы вы сделали наследником французской короны. Король Франции, каковым вы стали теперь, будет менее кропотливо бороться, более величаво побеждать, и молве придется в его честь живее взмахивать крылами.

— Если бы разница была только в этом! Морней, после той моей победы, ради которой венецианцы едут сюда, я осадил Париж и ушел ни с чем. Разве венецианцы этого не знают?

— До Венеции далеко, и они уже были в пути.

— Они могли воротиться. Ведь они люди умные. Им ли не понять, что значит, когда королю приходится осаждать собственную столицу, и притом тщетно. Поубивал, пограбил — и ушел, заглянув с колокольни в город и испугавшись какого-то монаха.

— Превратности военной удачи, сир.

— Так мы это объясняем. Но что это на самом деле? В то время как я охранял одни ворота, Майенн вступил в другие. Переправился через мост, который по моему приказу должны были снести, но не снесли. Вот что такое военная удача. У меня есть подозрение: когда побеждаю я, о ней можно сказать то же самое.

— Дело рук человеческих, сир.

— Все равно, есть же полководцы... — Генрих осекся, он вспомнил полководца по имени Парма: как гласит молва о его мастерстве, тот не полагался на военную удачу и не отговаривался тем, что все дело рук человеческих. — Морней! — воскликнул Генрих и встряхнул своего советчика. — Ответь мне! Могу я побеждать? Мое призвание — спасти это королевство; но спокойнее был мой дух, когда никто еще не ехал сюда воздавать мне почести прежде времени.

— Венеции угодно считать, что вы победили, сир. Она не вернула бы своих послов, даже если бы ваше войско пришло в полное расстройство.

Генрих сказал:

— Итак, мне дано познать, что слава — одно недоразумение. Я заслужил ее, а награжден ею все-таки незаслуженно.

И тут же выражение лица его изменилось, он повернулся на каблуках и весьма игриво принял тех господ, что как раз входили к нему. То были лучшие его сподвижники, нарядившиеся в новое платье.

— Молодец, де Ла Ну! — вскричал Генрих. — Рука железная, а переплыл реку! Молодец, Рони! На вас драгоценности из хорошего дома, хоть и не из вашего собственного, а уж сколько денег нашли и забрали вы в парижских предместьях! Не сделать ли мне вас своим министром финансов, вместо толстяка д'О?

Он огляделся, ему показалось, что они мало смеются.

— Ничего я так не боюсь, как людей невеселых. Это люди неверные.

Те молчали. Он по очереди всматривался в каждого, пока не угадал всего. Тут ему кивнул его верный д'Обинье, сперва товарищ по плену, затем боевой соратник, неизменно смелый, неизменно праведный и в стихах и в делах. Этот испытанный друг кивнул и сказал:

— Сир! Так и есть. Насквозь промокший гонец прибыл, как раз когда мы уже приоделись для приема.

Страх охватил Генриха. Он дал ему утихнуть. Только вполне овладев голосом, он весело ответил старому другу:

— Что поделаешь, Агриппа, военная удача переменчива. Послы воротились. Но они еще передумают, ибо скоро я дам новое сражение.

За дверьми послышался сильный шум. Они распахнулись; между двух стражей появился, запыхавшись, не в силах вымолвить ни слова, насквозь промокший гонец. Его усадили и дали ему напиток.

— Это уже другой, — заметил Агриппа д'Обинье.

Наконец тот заговорил:

— Через полчаса послы будут здесь.

Генрих как услышал — схватился за сердце.

— Теперь я заставлю их ждать до завтра. — И вслед за тем поспешно удалился.

За ночь свершилось чудо, и ноябрь превратился в май. С юга повеял теплый ветер, разогнал все тучи, небо простерлось светло и широко над парком Турского замка, над рекой, медленно и вольно протекавшей вдоль полей, посреди королевства. Стройные березы стояли почти оголенные; из замка видно было, как причаливают корабли, на которых переправлялись послы. Их поселили в загородных домах на том берегу. У окон первого этажа, вровень с землей, расположился двор, кавалеры и дамы, разряженные так богато, как только могли или считали подобающим. Роклор оказался всех изящней. У Агриппы были самые большие перья, Фронтенак соревновался с Рони. У последнего на шляпе и воротнике было больше драгоценностей, чем на платьях дам. Но лицо его, молодое и гладкое, выражало ту же умную сосредоточенность, что и обычно. Появилась сестра короля, сразу же показав себя прекраснейшей из дам. На высоком воротнике из кружев и алмазов покоилась ее изящная белокурая головка; лицо дамы, по придворному чопорное, все же обнаруживало внутреннюю ребячливость, которую не стирает ничто. Она была еще на пороге, когда ее тканное золотом покрывало зацепилось за что-то. Или, быть может, хромая нога подвела ее? Весь двор выстроился шпалерами на пути принцессы. Тут она видит, как в противоположную дверь входит король, ее брат. Короткий радостный вскрик, она забыла о себе, она без малейшего труда пробегает несколько шагов.

— Генрих!

Они встретились в середине залы. Екатерина Бурбонская преклонила колено перед братом — они вместе играли в начале жизни, они путешествовали по стране в неуклюжих старых колымагах вместе с матерью своей Жанной. «Милая наша мать, хоть и была больна и беспокойна, но сколь сильна через веру, которой учила нас! И оказалась в конце концов права, хотя сама умерла от яда злой старухи-королевы, да и на нашу долю выпало немало страшного и тяжелого. И все же мы сейчас стоим посреди залы в сердце королевства, мы теперь король с сестрой и собираемся принимать венецианских послов».

— Катрин! — сквозь слезы произнес брат, поднял сестру с колен и поцеловал. Двор восторженно приветствовал обоих.

Король в белом шелку, с голубой перевязью и красным коротким плащом, повел принцессу, держа ее руку в поднятой руке, двор расступился, но позади царственной четы сомкнулся вновь. Они остановились у самого высокого окна; все столпились во-

круг — и не всякий, кто пробрался вперед, был из лучших. Сестра сказала на ухо брату:

— Не по душе мне твой канцлер Вильруа. Еще меньше мне по душе твой казначей д'О. А есть у тебя и того хуже. Генрих, милый брат, если бы все, кто тебе служит, были нашей веры!

— Я и сам бы хотел того же, — на ухо сказал он сестре, но при этом кивнул как раз тем двум придворным, которых она назвала. Она в досаде повернула назад; чем дальше от толпы, тем дружественней лица. У стены Катрин наткнулась на целую группу старых друзей: боевых соратников брата, кавалеров былого наваррского двора, — в ту пору они обычно носили колеты грубой кожи.

— Вы расфрантились, господа! Барон Рони, когда я учила вас танцевать, у вас еще не было алмазов. Господин де Ла Ну, вашу руку! — Она взяла железную руку гугенота — не живую его руку, а железную взяла она и сказала лишь для него да для Агриппы д'Обинье и долговязого дю Барта: — Если бы Господь попустил одной-единственной песчинке на нашем пути скатиться иначе, чем она скатилась с холма, нас бы не было здесь. Ведомо вам это?

Они кивнули. На сумрачном лице долговязого дю Барта уже можно было прочитать духовные стихи, которые складывались у него в уме, но тут снаружи загремели трубы. Идут! Надо приосаниться и предстать перед послами могущественным двором. Чуть ли не все лица мигом изобразили сияющую торжественность, смягченную любопытством; все выпрямились, и принцесса Бурбонская тоже. Она огляделась, ища дам, но их мало было при этом кочевом дворе и походном лагере. Быстро решившись, она взяла за руку и вывела вперед Шарлотту Арбалест, жену протестанта Морнея. Вдруг возникло замешательство.

Послы там внизу, наверно, не сразу наладили порядок шествия. А трубачи чересчур поторопились. Дорога от берега шла в гору; может статься, венецианские вельможи были слишком дряхлы, чтобы взобраться по ней? Король, по-видимому, отпускал шутки, по крайней мере окружающие смеялись. Принцесса, сестра его, подвела свою спутницу к другому окну; она была в смятении: подле венценосного брата стоял кузен Суассон, которого она любила. «Если бы я хоть не шла рука об руку с этой высоконравственной протестанткой!» — думала Екатерина, словно сама она была иной веры. Да, она забылась, как забывалась на протяжении всей своей короткой жизни, при неожиданной встрече с возлюбленным. Серд-

це ее колотилось, дыхание стало прерывистым; чтобы скрыть смущение, она приняла самый надменный вид, но почти не понимала, что говорит своей соседке.

— Сердцебиение, — говорила она. — У вас его не бывало, мадам де Морней? Например, еще в Наварре, когда у вас вышли неприятности с консисторией из-за ваших прекрасных волос?

Голова Шарлотты Арбалест была покрыта чепцом; он доходил почти до самых глаз, изливавших блеск и не ведавших робости. Добродетельная жена протестанта Морнея спокойно подтвердила:

— Меня обвинили в нескромности, потому что я носила поддельные локоны, и пастор не допустил меня к причастию и даже господину де Морнею отказал в нем. Хотя прошло столько лет, сердце у меня по сию пору не может оправиться от тех волнений.

— Вот как несправедлива бывает к нам наша церковь, — поспешила убедить себя принцесса. — Ведь вы же во имя нашей религии обрекли себя на изгнание и нищету после того, как спаслись от Варфоломеевской ночи. Все мы, ожидающие здесь послов, были прежде либо узниками, либо изгнанниками во имя веры: вы сами с господином Морнеем, король — мой брат, и я также.

— И вы также, — повторила Шарлотта; ее ясный взгляд лился прямо в глаза Катрин, которая дрожала от смущения. Что бы я ни говорила, эта женщина видит меня насквозь, поняла она.

— Наперекор пасторам, вы еще долго носили рыжеватые локоны, — настаивала бедняжка Екатерина. — И вы были правы, скажу я. Как же так? Сперва преследования, изгнание, а когда, наконец, вы воротились на родину, вашу жертву не принимают. Из-за чего же — из-за локонов.

— Нет, я была не права, — созналась жена протестанта. — Я проявила нескромность. — Тем самым она хоть и выдавала собственную слабость, но, в сущности, напоминала принцессе о ней самой и ее куда более тяжком прегрешении. На это она намекнула вполне ясно. — Нескромность моя была не только оправданна: она была предумышленна и противостояла любым угрозам. Однако же благодать снизошла на меня в молитве, я отринула то, что было греховно. С той поры я скромно ношу чепец.

— И страдаю сердцебиением, — сказала Катрин. Гневным взглядом окинула она лицо собеседницы, бледное, смиренное, вытянувшееся, каким оно стало теперь. «Прежде, когда она была миловидна, мы вместе посещали балы», — подумала она. Гнев ее сразу остыл.

Ею овладело сострадание, недалеко было и до раскаяния. «А я все такая же, как раньше, и грех мой при мне. Я себя знаю, я не заблуждаюсь, но при этом неисправима; прощения мне не будет», — в раскаянии думала она. — Господи, помоги мне нынче же вечером надеть чепец! — молилась она тихо и настойчиво, хоть и без большой надежды быть услышанной.

Граф Суассон очутился перед ними, он сказал:

— Сударыни, его величество изволит требовать вас к себе.

Обе покорно склонили головы, лица у них остались невозмутимы. Он повел обеих дам, держа их за кончики пальцев поднятыми руками. Руку кузины он пытался потихоньку пожать. Она не ответила на пожатие и шла, отвернувшись. Учтиво передал он ее венценосному брату.

Между тополей блеснул металл, у всех сперва возникла мысль об оружии или военных доспехах.

— Нет, — сказали женщины, — нам ли не знать, как сверкают драгоценные камни. Или по меньшей мере золотое шитье.

А на деле было и то, и другое, и еще много больше: все диву дались, увидав серебряный корабль, тот плыл, казалось, по воздуху, опережая самое шествие, когда оно еще едва виднелось. Серебряный корабль был так велик, что люди могли бы поместиться на нем, — и правда, чьи-то руки ставят парус, только руки детские. Команда на корабле состоит из мальчиков, они изображают моряков и поют подходящие песни. Звон струн вторит им бог весть откуда, да, впрочем, неизвестно: чем движется и сам волшебный корабль?

В двадцати шагах от замка корабль остановился, вернее, опустился наземь, и из-под роскошных тканей, свисавших с его носа, выскочили карлики: они-то и несли его. Горбатые карлики, все в красном, и как бросятся врассыпную, точно чертенята, на потеху двору. Между тем приблизились носилки. Как? Да это трон. Только что это сооружение почти везли по земле, а теперь оно поднимается, — лишь совершеннейшие машины могут так бесшумно вознести его на воздух, — и превращается в трон. Воздух отливает голубизной и вольно овеивает белокурую головку женщины на троне. Над белокурой головкой высокий убор из локонов и крупных жемчугов. Трон — чистый пурпур, женщина — великолепное создание в золотых одеждах, как на картинах Паоло Веронезе. Кто это? На глазах у нее черная бархатная маска, — кто это? Двор притих. Король обнажил голову, за ним все остальные.

Подле высокого трона выступали, тяжело шагая, грозные фигуры, — черные латы, мрачная пестрота одеяний, непокрытые головы, рыжеватая или черная дикая поросль волос. Их узнали по чудовищным челюстям: то склавоны, покоренные подданные Венеции. Им на смену явились рыбаки, истые сыны морской столицы, без прикрас, в заплатанном платье, со стертými веслами, — такими их увезли из-под моста какого-нибудь канала. Эти пели звонкими голосами, бесхитростно и ясно, хотя язык не всем был знаком. Получалось торжественно и при этом весело. Двору представился храм, невидимый, издалека искрящийся храм над морем.

Певцы умолкли, оборвав на прекраснейшей ноте, ибо дама на троне подняла руку. То была необыкновенная рука, полная, с заостренными и чуть загнутыми кверху пальцами, цвета розового лепестка, без всяких украшений. Она подавала знак горделиво, но влекуще, точно любовнику, до которого милостиво снисходит знатная дама. Посол, понял двор; и король Франции один вышел на площадку приветствовать его.

Тут рыбаки отодвинулись от трона и преклонили колени. Отдвинулись и преклонили колени воинственные склавоны. Преклонили колени дети на серебряном корабле и красные карлики у отдаленных кустов. Путь перед тронem расчистился, на него вступил худощавый человек в черной мантии и берете: ученый, решил двор. Почему ученый? Неужто республика посылает в качестве главы посольства ученого? Двое других, седобородые военачальники, идут позади него.

Агриппа д'Обинье и дю Барта, два гуманиста, носившие на теле много шрамов от старых и новых битв, торопливо переговаривались, меж тем как посол медленно приближался к королю. Господин Мочениго, родственник дожа и сам весьма преклонных лет. Он участвовал в знаменитом сражении при Лепанто, когда была одержана победа на море над турками. Теперь же обучает латинскому языку в Падуе, отсюда знает его христианский мир.

— Какая великая честь! — торжествовал поэт Агриппа. — Господин Мочениго воздаст хвалу нашему королю! А я от радости мог бы в стихах описать битву при Лепанто, словно сам был очевидцем!

— Опиши лучше нашу ближайшую битву, — мрачным тоном потребовал долговязый дю Барта. «Я же тогда умолкну навеки», — сказал он про себя своему вещему сердцу.

Король теперь уже вновь надел шляпу с пером и загнутым полем. Не затененные ею глаза его широко раскрыты, чтобы ничего не упустить. Однако он кажется взволнованным, и даже слезы, пожалуй, готовы выступить у него на глазах, возможно, он потому так широко и раскрывает их, веки его неподвижны, и весь он застыл в неподвижности. В знак приветствия посол склонил голову на грудь. Потом поднял, откинул ее, и тут только всем стало видно его лицо. Всем стало видно, что один глаз у него закрыт и пересечен красным шрамом.

Он заговорил, латинская речь его звучала удивительно стройно, плавно, но твердо. Двору представился мрамор. И тут же стало ясно, какое это лицо, — резкие черты, острый нос, опущенные углы рта, все как на бюстах Данте, лицо старого мудреца. Придворным далеко не каждое слово было понятно, на знакомом языке говорили чуждые уста. Но по этому лицу чувствовалось, что королю их оказан великий почет: его сравнивали с римскими полководцами и находили достойным их.

Генрих, единственный из всех, понимает каждое слово, и не только в прямом его смысле: гораздо глубже. «Выносятся приговор твоему делу. Кто ты? Это слышишь ты из речи или, вернее, угадываешь, пока она звучит. Одноглазый мудрец для вида сравнивает тебя с первым покорителем этого королевства, римлянином Цезарем, твоим предшественником. В действительности он предостерегает тебя от того, чтобы ты не остался таким, каков есть, боевым петухом и лихим наездником, великим в малом, не испытанным на больших делах. Я знаю, кого он мне предпочитает: своего соотечественника, Фарнезе, герцога Пармского, славнейшего стратега современности. Я же не таков, я всего лишь боевой петух без большой сноровки...»

От этого ему стало душно, и глаза он раскрыл еще шире. Гость, неожиданно высказавший ему истину, сам со вниманием, — тут только со вниманием, — вгляделся в его лицо — нашел, что оно худощавее всех остальных, — и как раз эта худоба свидетельствовала о рвении и самоотречении, каких посол не ожидал найти здесь. Он прервал речь, он сложил руки.

Когда он заговорил вновь, голос его звучал глухо, уже не плавно и твердо; сказал он еще немного слов, и главное из них было «любовь».

— И если имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви...

Евангелие вместо Цезаря; это не было предусмотрено, это всех поразило, а больше других самого оратора, который на том закончил. Тогда и Генрих поступил непредвиденно. Он не протянул послу руку, как было условлено заранее, чтобы посол с его помощью поднялся на площадку: он сам спрыгнул вниз, обхватил его, обнял и расцеловал в обе щеки. Двор видел это и шумно выразил свое удовольствие. Дети на серебряном корабле видели это, восседающая на троне женщина в золотых одеждах видела это — и так как она была дочерью одного из рыбаков в заплатанном платье, то позабыла всякую величавость и захлопала в ладоши. Захлопали в ладоши воинственные склавоны, и рыбаки, и оба седобородых военачальника.

Генрих огляделся и весело рассмеялся — хотя в тот же миг неведомый трепет пробежал у него по плечам. Не такой, когда за спиной у тебя убийца, нет, на сей раз то было веяние крыл. Тебя касается слава, — впервые, когда тебе уже под сорок. Тебя касается великая всемирная слава. На вид она точно сказка полуденных стран и вот-вот отлетит и заставляет содрогаться от тайного трепета.

— Господин посол, когда церемония окончится, соблаговолите побеседовать со мной наедине.

— Сир! О чем?

— О герцоге Пармском.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ

«Я должен добиться своего сражения», — подумал Генрих, едва успели уехать послы Венеции; вернее, он впервые сказал это себе при их торжественном прибытии. Именно устрашающая слава открыла ему глаза на его положение. Он все еще король без короны, у которого нет столицы. У такого полководца, как он, всегда нужда в деньгах, и, чтобы войско его не разбежалось, ему необходимо почаще завоевывать города; и те платят за него. Но это города его королевства; трудное дело оставаться отцом отечества, и притом близким народу, и в то же время рыскать по стране, покоряя своих врагов и взимая поборы. Не прошло и недели после турецкой волшебной сказки, как он снова очутился в самой гуще суровой жизни.

Он очистил от врага Турень и ближайшие провинции и вторгся в Нормандию — но ведь он уже стоял там, когда одержал победу при деревне Арк. Что дала та победа? Завоеванные крепости, которые он оставил позади, отпали тем временем. Враг его не человек, подобно ему, а многоголовая гидра. «Отрубишь семь голов, взамен вырастают восемь. Вот каково мне приходится с Лигой. Целыми улицами покоряются мне мои подданные, когда я хозяйничаю в их логове. Будто никогда и не поднимали против меня оружия, а стоит мне перекопать их сады, и там окажутся мушкеты. Все это, пожалуй, забавно, и я как будто создан для такой жизни. А если в действительности я создан для большего, то умно делаю, умалчивая об этом».

— Никогда я не был так здоров, — твердил он всем в ту зиму, при частом снегопаде и ночевках на мерзлой земле. — И войско мое не знает болезней и растет день ото дня, ведь один такой городишко отсчитывает мне шестьдесят тысяч экую. Держу пари, что ближайший по пути сдастся не позднее четверга!

И в самом деле, он заключил такой договор с городом Онфлером. Если Майенн или его сын Немур не придут до четверга, то ворота должны быть открыты ему. И что же? Так и случилось. Вождь Лиги Майенн махнул рукой на Лигу и отдыхал в Париже, «где и мне когда-нибудь доведется понежиться», — уверенно заявил Генрих. А про себя добавил: «Я должен добиться своего сражения». Он думал об этом то как о веселой проделке, то как о вопросе всей жизни.

Он возил с собой диковинную штуку, будильник, который заботливо заводил. На сон у него уходило меньше времени, чем у толстяка Майенна на еду. Это было ново для его здоровой натуры; порой он упускал даже и эти немногие часы. Приподнявшись на локте, он размышлял. «Я должен добиться своего сражения — и не обычного, не такого, которое я мог бы выиграть или проиграть: это сражение я не смею проиграть, его я проиграть не смею, иначе всему конец. Слишком много глаз смотрит на меня, весь мир следит за мной, — и мои союзники, прежде времени воздавшие мне почести, и в особенности король Испании, притязающий на это королевство. Он и получил бы его, как только меня не стало бы. Кто помешал бы ему? В народе идут распри за веру. Когда бы все французы исповедовали истинную, сам дон Филипп не одолел бы их. Впрочем, что я знаю, у каждого своя вера, вот я — гугенот и ле-

жу на промерзшей земле. Если придет дон Филипп, если надвинется с великой силой — тогда все равно, истинна ли моя вера, тут не до исповедания, на карту поставлено королевство, а оно, во всяком случае, от Бога. Это дело решается между мной и Богом», — вдруг яснее ясного стало королю среди беспросветно темной ночи, меж тем как в палатке затрепала и погасла масляная плошка.

Зазвонил будильник, король поднялся и призвал своих офицеров. В этот день предстояло многое сделать и далеко скакать. Так, например, решено было осушить ров, чтобы осаждающие могли подойти к стенам крепости. Покончив с этим, постреляли немного с обеих сторон, пока не наступил ранний вечер. Сам Генрих уже пустился в путь на коне, потому что по всей обширной округе было немало других дел. Сильно проголодавшись, добрался он к ужину до города Алансона и отправился с небольшой свитой в дом одного преданного ему капитана, но не застал его. Жена капитана не знала короля, сочла его одним из королевских военачальников и приняла как подобает, хоть и с явным смущением.

— Я попал некстати, сударыня? Говорите без стеснения, я не стану обижаться.

— Сударь, скажу вам прямо. Нынче у нас четверг; я посылала слуг по всему городу; нигде ничего не достанешь, я просто в отчаянии. Вот только сосед наш, честный ремесленник, говорит, будто у него на крюке висит жирная пулярка; но отдаст он ее не иначе, как если и его позовут отужинать.

— А в компании он человек приятный?

— Да, сударь, у нас в квартале не найдется другого такого шутника. И вообще, он хороший малый, душой и телом предан королю, и работа у него спорится.

— Тогда зовите его, сударыня. У меня аппетит разыгрался; и будь он даже прескучный сотрапезник, я предпочитаю есть с ним, чем не есть вовсе.

После чего ремесленник явился в праздничном кафтане и с пуляркой. Пока птица жарилась, он занимал беседой короля, тоже, по-видимому, не узнавая его; иначе он вряд ли так непринужденно сыпал бы местными сплетнями, выдумками, шутками, да такими хлесткими, что Генрих на время позабыл про голод. Вскоре и он перенял тон собеседника — без умысла, сам того не замечая. Вовсе не трудное дело оставаться отцом отечества и притом близким народу, принуждая подданных к покорности и взимая поборы. Весь

секрет в том, что совесть у него чиста, ибо занимается он честным делом. Без подвохов и лукавства вразумить своих соотечественников и спасти королевство — вот о чем он помышляет непрестанно, и во сне, и за веселой беседой. Рачительный ремесленник, напротив него, хоть и разглагольствует, а мастерскую свою тоже не забывает.

Король думает: «Я должен добиться своего сражения. Теперь до него недалеко. Довольно я позанимал крепостей, чтобы нарушить покой толстяка. Кузен мой, маршал Бирон, со своей стороны немало досады причиняет Лиге, и обо всех наших успехах я шлю донесения королеве Английской. Сейчас мы намерены осадить город Дре: этого Майенн не стерпит, он выступит, он примет бой. Испанцы тоже потребуют, чтобы он принял бой. Не зря же у него их вспомогательные войска, первые, которые Филипп предоставил Лиге. Их шлет из Нидерландов королевский наместник Фарнезе. А с ним самим, с великим стратегом и прославленным мастером в искусстве войны, неужели мне не придется встретиться? Хотел бы я знать, что говорит обо мне он, Фарнезе».

При этом имени Генрих невольно вскочил с места. Ремесленник застыл с раскрытым ртом. Но Генрих повторил ему в точности весь его рассказ.

— Когда перчаточник застал у своей жены силача-кузнеца, он миролюбиво протянул руку и сказал: «Никогда не поверю, чтобы ты, друг, сделал это». — Генрих засмеялся. — Потешная история, кум!

— Препотешная, кум! — повторил простак, примирившись с бурным поведением собеседника. Тут хозяйка позвала гостей к столу. Втроем уплетали они откормленную птицу; правда, хозяйка и ремесленник ели умеренно, гостю достались самые крупные куски, и чем больше он ел, тем охотнее смеялся рассказам соседа, отчего тот все веселел. Однако после заключительного стакана, когда пора было вставать из-за стола, его круглая физиономия вдруг вытянулась и глаза смиренно опустились. Король готов был и это принять за шутку, но тут ремесленник бросился ему в ноги, умолая: — Простите, государь, простите меня! Это был лучший день моей жизни. Я узнал ваше величество, я служил солдатом и сражался у деревни Арк за моего короля; я заработал счастье сидеть с вами за одним столом. Еще раз винюсь перед вами, сир, я валял дурака, чтобы вы хоть немножко посмеялись моим шут-

кам. Теперь беда уже случилась, я, простой ремесленник, ужинал вместе с вами.

— Как же нам быть? — спросил король.

— Я знаю только одно средство.

— Ну?

— Вам придется пожаловать мне дворянство.

— Тебе?

— А почему бы и нет, сир? Я работаю своими руками, но в голове крепко храню свои убеждения, а в сердце — своего короля.

— Превосходно, любезный друг, а какой же будет у тебя герб?

— Моя пулярка, всей честью я обязан ей.

— Это лучшая твоя шутка. Встань, рыцарь пулярки!

РЫЦАРСКИЙ РОМАН

Стараниями нового рыцаря приключение его получило огласку, отчего в народе любовь к королю только возросла. Вот наконец-то простой человек, вроде нас с вами! Не чванлив и стговорчив, хотя ему, как еретiku, не избежать вечных мук. Король — еретик, и к этому можно привыкнуть, если Богу так угодно. Только дарует ли Господь ему победу?

О том же спрашивал себя и король. Еще ни одно из своих сражений не подготавливал он так осмотрительно. Он не только снимает осаду Дре, но и стягивает отовсюду свои войска и дает оттеснить себя до границ провинции Нормандии, но отнюдь не вглубь ее. Он останавливается у Иври. Это все еще Иль-де-Франс, сердцеви́на, в которую заключен Париж.

Герцог Майенн из Лотарингского дома решил было, что на сей раз с таким перевесом сил, как у него, можно обойтись без сражения. Испанский генерал Фарнезе, герцог Пармский, по приказу дона Филиппа предоставил ему цвет своего войска, шесть тысяч мушкетеров, тысячу двести валлонских копейщиков; всего под началом Майенна оказалось двадцать пять тысяч человек. Что перед этим какой-то король без страны, у которого нет и десяти тысяч солдат? А выставлены против него испанские полки! Ни разу не терпевшие поражения силы всемирной державы. Но король останавливается у Иври.

Это было двенадцатого марта 1590 года. Тот день и ту ночь Генрих провел совсем не так, как обычно проводил часы перед бит-

вой. Он не объезжал войска, дабы вселить мужество, не трудился собственными руками над укреплениями. Да их и не было, и рыть их не стали. Обширная равнина, какая-то речонка, по ту сторону — превосходящие силы противника, по эту — один человек, размышляющий, как их осилить.

Он лежал на земле и чертил. Маршалы Бирон и д'Омон не узнавали его, он же был одержим мыслью о Парме. Прославленный полководец не явился сам, недостаточно серьезным казалось ему дело — до поры до времени; впоследствии дон Филипп пошлет его спасать что можно. «Дай-то Бог, Господи! К Тебе взываем».

Генрих не только чертил, но и молился. Отрываясь от своих планов, он сменял честолюбивое стремление быть стратегом на покорность перед высшим промыслом. Он молился вместе с войском — правда, тем, что принадлежали к другой религии, он разрешил принять причастие в их церквах, и многие пошли туда, церкви всей округи были полны. Но большинство солдат, невзирая на вероисповедание, хотели слышать, как молится король, — и он сотворил молитву посреди обширного круга войск, обводя их взглядом, а потом поднимая глаза к проносящимся облакам, словно вручал тому, кто восседает на небесном престоле, все, что здесь волнует человеческое сердце. И это человеческое сердце было его собственное и рвалось у него из груди. Оттого голос его звучал громче, чем когда-либо. А затем вдруг срывался от волнения или уносился ветром. Гугеноты его в передних рядах стояли коленопреклоненные, опустив обветренные лица, и если набегала слеза, они не смахивали ее.

После такого собеседования с Богом Генрих еще больше повеселел и всем внушил свою уверенность. И высокий собеседник над облаками подтверждал ее: то и дело издали прибывали гугеноты помочь ему выиграть битву. К ночи пошел дождь, который мог нанести ущерб лишь врагу: королевские солдаты были расквартированы по деревьям. Утром король расставил их согласно своему плану: Майенн, наблюдавший с другой стороны, дивился, как складно все делается. Всего лишь тринадцатое число, Майенн не торопится давать бой. Надо донять ожиданием боевого петуха по ту сторону реки; гусарские проказы — вот на что он тратит драгоценное время; вытаскивает швейцарского полковника из-под яблони, ловит нескольких ландскнехтов. А к вечеру боевому петуху приходится расстроить искусный порядок своего войска, старания его пропали даром.

Четырнадцатое число. Терпеливо выстраивает Генрих все наново: конницу маршала д'Омона, затем конницу герцога Монпансье, посередине свою собственную; рядом конница барона Бирона, сына старого маршала, — каждому конному отряду придана пехота — французские полки, швейцарские полки, даже ландскнехты с правого берега Рейна. Но в целом они составляют всего лишь шесть или семь тысяч пехотинцев, две тысячи пятьсот конников. Оттого что они стоят сомкнутым строем, врагу издали кажется, будто их еще меньше. Враг, наоборот, растягивает фронт в длину, чтобы наглядно показать свое превосходство... Такое значительное вначале, постепенно оно сходит на нет. Во-первых, потому, что король непрестанно получает подкрепления в лице нового рыцаря пулярки и тысячи ему подобных, которые являются, уповая на него, влекомые собственной совестью. С другой стороны, у Лиги за последнее время разбежалось много солдат — не только по причине дождя и прочих неудобств, но также из чистого страха. Они узнали, неведомо откуда, что победит король.

Он же сам полностью владел своим разумом и лишь надеялся, что с разумом будет и Бог. К десяти часам войска его были расставлены по-вчерашнему, только с некоторым изменением, во внимание к ветру и солнцу и дыму от аркебуз. Генрих был преисполнен неземной радости, как всегда перед сражением, когда молитва сотворена и остается только начать бой. И по этому признаку каждый предвидел победу. В числе его офицеров был поэт дю Барта, на восемь лет старше Генриха Наваррского, его спутник с юных лет, неизменно, через все взлеты и падения, и Варфоломеевскую ночь, и долгое пленение в Лувре, битвы, победы, путь к трону, переменчивость военной удачи, — дю Барта, долговязый человек с сумрачным лицом, более приверженный к смерти, чем к жизни, и чем дальше, тем меньше приверженный к жизни и больше к смерти. Тут он увидел Генриха. Поглядел на него еще раз со всей силой любви и той же крепкой уверенностью, что и во времена их юности, когда они сплоченным отрядом бок о бок скакали по стране. Гугеноты, чей дух был окрылен, почитали эту страну священной и ждали, что вот-вот на повороте дороги им повстречается сам Господь Иисус Христос во плоти и они бы тогда окликнули его: сир! И последовали бы за ним и побеждали бы во имя его. Такое чувство напоследок вновь овладело дю Барта, когда он глядел на короля при Иври.

Манн Г.

М 23 Зрелые годы короля Генриха IV : роман / Генрих Манн ; пер. с нем. Н. Касаткиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-19219-5

Дилогия немецкого писателя Генриха Манна о французском короле Генрихе IV заслуженно считается шедевром исторической прозы, сравнимым с лучшими романами Александра Дюма и Генрика Сенкевича. Время и место действия — Европа, шестнадцатый век, один из самых кровавых и мрачных: гражданские войны, религиозный фанатизм, Варфоломеевская ночь, смертельная борьба за власть... Европе требовался правитель, способный не только загасить пламя войны, установив долгожданный мир, но и поменять весь ход истории, толкающий народы в бездонную пропасть смерти. Таким правителем оказался король Генрих IV из династии Бурбонов. Многие писатели обращались к жизни этого великого монарха, от Вольтера до Александра Дюма, однако именно Генриху Манну принадлежит наиболее увлекательное, исторически верное и подробное жизнеописание одного из самых популярных королей Франции.

В настоящее издание вошла вторая часть дилогии о Генрихе IV, из которой читатель узнает о дальнейшей судьбе короля, о его стремлении восстановить порядок в опустошенной войнами Франции, а также о всевозможных дворцовых интригах и разнообразных любовных связях Генриха IV, чуть не стоивших ему жизни.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИХ МАНН
ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ
КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Юлия Теплова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать 01.03.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-IIN-27926-01-R